

Матьяна
Алюшина

Читайте романы
Татьяны Алюшиной

Крымский роман
Влюбиться в жертву
Любовь со вкусом вишни
Девушка из нежной стали
Далекий мой, единственный
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Свидание вслепую
Красота по-русски
Девушка-праздник
Дом, где исполняются мечты
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Два шага до любви
Двое на краю света
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Чудо купальской ночи
Больше, чем страсть
Моя нечаянная радость
Тот, кто назначен судьбой
Неправильная невеста
Утоли мои печали
Счастье любит тишину
Коллекция бывших мужей
Белоснежный роман
Сердце просит счастья
Руки моей не отпускай
Формула моей любви
Будьте моей семьей
Созданы друг для друга
Актриса на главную роль
Озерные страсти
Вальс до востребования
Судьба непринятой пройдет

Патьяна
Алюшина

Девушка
из нежной стали

Роман

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Художественное оформление серии *Н. Каштыкиной*
Редактор серии *В. Горюнова*

Ранее роман издавался под названиями
«Стиль мистера Инкогнито»
и «Побег при отягчающих обстоятельствах»

Алюшина, Татьяна Александровна.
А59 Девушка из нежной стали : [роман] / Татьяна Алюшина. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-157005-7

Вика столкнулась с самым страшным, что может случиться с женщиной: ее ребенка собираются нелегально использовать в качестве донора органов. Ей остается только бежать, прихватив с собой малыша. Преследователи дышат в спину, и, чтобы спастись, Виктория вынуждена разыскать отца Степы, человека, который, как она считает, ее предал.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алюшина Т., 2021
© Оформление.
ISBN 978-5-04-157005-7 ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Надсадно, устало проскрипев ржавой пружиной, дверь открылась.

— Проверь, никого там нет? — услышала Вика женский голос.

Негромко хлопнули одна за другой двери трех туалетных кабинок, четвертую, превращенную в кладовку уборщицы, в которой сидела на перевернутом вверх дном ведре Вика, проверяющие не удостоили вниманием.

«Ночные медсестры», — поняла она.

Отупев за последние два дня от своих безысходных дум, она никак не могла запомнить имен медперсонала, кроме Степкиного лечащего врача, поэтому даже не пыталась вспомнить, как зовут сегодняшних дежурных медсестричек.

— Ты поняла, что происходит? — послышался приглушенный голос.

— Да поняла, конечно! Черт, я сначала сомневалась, а сейчас увидела этого Витю, так уж какие сомнения. Хорошо, хоть за нами в туалет не перся!

Щелкнула зажигалка. Девушки закурили, в камеру, где она сидела, потянуло едким дымом дешевых сигарет.

— Я из ординаторской посмотрела, машина у входа стоит. Все, ей с пацаном не выйти!

— Ну как это возможно, Ларис? — возмутилась вторая девушка.

— Ты как с луны свалилась, Светка! Ты хоть представляешь, какие там бабки? Помнишь, месяц назад был этот мальчик, Никита? Все ведь точно так же происходило. Положили его в палату, в седьмую палату, в отдельную. На вид он совсем здоровый, а анализы ужас, прямо срочно на стол! В субботу и воскресенье дежурил этот Вениамин, я как раз в воскресенье на сутки заступила, так что видела, как он сам мальчика и его мамашу на «Скорой» увозил, якобы в детский реанимационный центр. А мальчишка здоровый был, это я тебе точно говорю!

— Да этот тоже здоровый, ты же видишь! При таких анализах ему назначают иммунные и общеукрепляющие, это же бред полный! Можно же как-то в этом разобраться!

— Клавдия тогда пыталась. Она в понедельник вышла, такой крик подняла, ты же ее знаешь. Позвонила в реанимацию, а мальчик туда не поступал. Она куда-то звонила, ездила, — девушка понизила голос до шепота, — я тогда случайно стала свидетелем, как она с заведованием ругалась,

я несла ему истории на подпись, слышу, Клавдия орет у него в кабинете. Он ей говорит: «Клавдия Ивановна, мы ничего не сможем доказать, и не лезь в это, без головы останешься». А она: «Это здоровые дети, и они проходят через наше отделение. Увольте его, если ничего не можете, обратитесь в полицию, в прокуратуру!»

— А он?

— А он говорит, что уволить не может и в органы уже обращался, а оттуда официальный ответ пришел, что факты не подтвердились.

— Боже мой! Неужели ничего нельзя сделать?! — воскликнула вторая девушка.

— Клавдия потом мамаше этой звонила, оказывается, этому Никите удалили почку, так эта дура еще и благодарит — спасибо, спасли ребенка!

— Ларис, может, этой мамаше намекнуть?

— Ты что, дура? Витя на посту у нас всю ночь сидеть будет, он же их пасет, и внизу машина стоит.

— Может, Клавдии позвонить?

— Ага, чтобы ей голову снесли. Светка, прекрати, мы ничего не можем сделать, ей просто не дадут с пацаном из больницы выйти.

— Как ее вообще угораздило к нам со здоровым ребенком попасть? — вздохнула собеседница.

— Не знаю, через поликлинику как-то, у них везде свои люди. Все, пошли.

— Лар, а вдруг все-таки можно чем-то помочь? Если вколоть мальчику что-нибудь, чтоб ему плохо стало, тогда его не заберут?

— Ага, и они сразу поймут, кто и что вколол, а потом сама представь, что с нами будет. Вот отдежурим, пойдем ко мне и напьемся от такого скотства, а сейчас успокойся, валерьянки выпей, а то, не дай бог, Витя поймет, что мы о чем-то догадываемся.

— А знаешь, все потому, что она мать-одиночка, без мужа или родителей богатых. Вот хрен бы они мальчишку тронули, если бы она крутая была!

— Других бы небогатых нашли. Идем, а то Витек за нами сюда припрется.

Хлопнула створка окна, приоткрытого во время перекура, затем простонала дверная пружина, выпуская девушек в коридор.

Дотлев до фильтра, сигарета обжигала Вике пальцы. Почувствовав боль, она непонимающе посмотрела на руку и автоматически затушила тлеющий бычок в крышечке от сока, служившей ей пепельницей.

— Так! — громко сказала она, стараясь осознать реальность. — Так!

Невероятное облегчение прокатилось от головы по всему телу, ударив током в кончики пальцев на руках и ногах, сменившись на мгновение растерянностью, и вдруг, откатившись волной назад, выстрелило в мозг густой, ослепляющей яростью.

Сердце быстро заколотилось, гроыхая в ушах, в руках, в ногах и почему-то в животе.

Под эти барабанные удары, остужая разум, откуда-то из глубины сознания, из неизвестной ей личности, вычищая ненужное — страхи, обвинения, в Вике нарастало и укреплялось нечто мощное, пугающее своей силой. Инстинкт матери, защищающей дитя, первобытный, обостряющий невероятно все чувства, эмоции, мысли.

— А теперь я возьму себя в руки и очень хорошо все обдумаю!

Вика, подавив в себе порыв немедленно бежать к Степке, прижать его, прикрыть от всех напастей, контролируя каждое свое движение, достала еще одну сигарету и закурила.

Увидев список врачей и анализов, которые им необходимо собрать, Вика подумала, что, оказывается, она собирается отдать сына не в садик, а не иначе как в школу космонавтов. Но мама собралась замуж, к всеобщей, надо сказать, радости, и сидеть со Степкой больше было некому. На семейном совете решили отправить Степана в садик. Вика взяла на работе отпуск за свой счет и, мысленно закатав рукава, в понедельник начала «кампанию».

Но уже в среду как гром среди ясного неба прозвучал приговор участкового врача:

— Судя по анализам, у вашего ребенка больные почки. Это очень серьезно.

— Как? — оторопела Вика. — Он здоров, ни на что не жалуется! Полгода назад мы сдавали анализы и все было в порядке!

— Понимаете, Виктория Борисовна, болезни почек очень коварны. К сожалению, не всегда сразу можно поставить диагноз. Я на вашем участке недавно, но и моя предшественница написала, что есть подозрения на почечную недостаточность. Она вам не говорила?

— Нет. Где это написано? — спросила Вика.

— Вот.

Докторша передала ей Степкину карточку и ткнула пальцем в листок с записью о приеме. Разобрать хоть что-то было нереально. Почему, черт возьми, все врачи пишут так, что даже иероглифы кажутся более понятными? Может, их специально этому в институтах учат? Может, это вообще не русский язык, а какой-то понятный только им, врачам?

— Тут совершенно ничего не разобрать! — возмутилась Вика и вернула карточку.

— Да, медицинские термины. Вы не пугайтесь так, я выпишу вам направление в платную лабораторию. У вас есть средства, чтобы сделать дорогие анализы?

— Что? — Вика так растерялась, что никак не могла сообразить, что же делать. — А, да, да. Конечно, есть.

— Вот и хорошо, — улыбнулась доктор, запол-

няя какие-то бумажки. — Вот сделаете анализы, мы и посмотрим, что к чему, вдруг не все так страшно. Ребенок мог съесть что-нибудь не то или болел недавно.

— Он не болеет, — машинально ответила Вика.

— Вы могли и не заметить, как он простуду на ногах перенес.

— Как это можно не заметить? — раздражалась Вика.

— Бывает, — туманно ответила врач. — Вот направление, завтра с утра, на голодный желудок. — Она протянула еще один листок и пояснила: — Это адрес и схема, как найти лабораторию. Получите результаты, и сразу ко мне.

Следующую неделю, пока длилась пытка ожидания результатов, Вика пребывала в каком-то непонятном ступоре. Она все присматривалась внимательно к Степику, старалась не отпускать его от себя, поминутно задавала ребенку дурацкие вопросы: не болит ли у него где-нибудь, не устал ли он.

Мама вздыхала, глядя на нее, пыталась успокоить, отвлечь и, в конце концов, не выдержав, отчитала:

— Прекрати все это, Викуля! Сама изводишься и ребенка пугаешь!

— Да я понимаю, мам, — устало согласилась Вика и села за стол на кухне, где ее застал мамин выговор.

Мама поставила перед ней кружку с кофе и села напротив.

— Мамуль, он же у нас никогда не болел! Откуда это свалилось-то? — спросила Вика возмущенно.

— Ты не паникуй раньше времени! Вот завтра анализы получишь, а там посмотрим, что делать.

Что делать, ей объяснили на следующий день, в пятницу, когда Вика, получив результаты в лаборатории, пришла со Степкой на прием к участковому педиатру.

— Виктория Борисовна, — решительно начала врач. — Тут явная запущенная болезнь, может, патология. Я сейчас позвоню в детскую урологию, если у них есть место, мы сразу отправим вас с ребенком в больницу.

— О господи! — в ужасе выдохнула Вика и крепко прижала к себе Степана, сидевшего у нее на коленях.

Врач разговаривала с кем-то по телефону, Вика не прислушивалась, оглохнув от беды, грянувшей так внезапно.

— Что? — только спросила она о результатах переговоров.

— Сейчас позвоню в отделение, дежурному врачу, — ответила врач. — Сказали, что место найдется.

Когда ей ответили, у докторши изменилось выражение лица и манера разговора:

— Вениамин Андреевич? — с придыханием, заискивающе-любезно спросила она. — Здравствуйте. Это Лидия Ивановна из детской поликлиники. Да, да! — Она выслушала с благоговением, что ей говорят. — Ах, значит, Ирэна Альбертовна вам уже звонила. Ну и прекрасно! Да, у меня тут особый мальчик.

Врач посмотрела странным взглядом на Вику, прижимающую к себе Степана, и пояснила, как показалось Вике, специально для нее:

— Похоже, что здесь сложная патология. Да, анализы сделали. Три года. Хорошо. Ждем! — Она положила трубку и улыбнулась. — Вот все и уладилось! У них как раз место есть, за вами сейчас машину пришлют, а я напишу направление.

— Да мы сами можем добраться, вы скажите куда, — ответила Вика.

— Нет, нет! — проявляя чудеса заботливости и испугав этим еще больше Вику, возразила доктор. — Сейчас за вами приедут.

— Нам надо вещи собрать, — пролепетала Вика.

— Вы одни живете?

— С мамой.

— Вот вы ей позвоните, пусть она все необходимое привезет, — пододвигая к Вике телефон, предложила Лидия Ивановна.

Все дальнейшие события развивались слишком стремительно и как-то нереально, как в странном интеллектуальном кино для «круто умных», как выражалась подруга Ольга.

Вика никак не могла сообразить, что ее удивляет и настораживает в происходящем, не укладываясь в обычную логику. Холодея от ужаса, она подумала, что у Степки обнаружили что-то очень серьезное, о чем ей, матери, врач даже не решилась сказать, и именно поэтому вокруг них с сыном развили такую бурную деятельность, окружив ненормальным вниманием.

В ожидании машины и пока врач писала и заверяла у начальства направление в больницу, их со Степкой отвели в соседний кабинет, где сидела улыбчивая медсестра и заполняла какие-то бланки. Понемногу приходя в себя от первого потрясения и автоматически отвечая на бесконечные Степкины вопросы, Вика подумала:

«С чего к нам столько внимания? Почему нельзя и вещи-то собрать? Даже если у Степана очень серьезное заболевание, кому сейчас в обычной государственной поликлинике до этого дело? Он же не сын президента или депутата какого! Я понимаю, если бы инфекционное что-то, а не почки! Что вообще происходит или они тут очень заботливые?»

— Витуся! — говорила ей мама. — У тебя мозги работают как у профессионального следователя. Почему ты не пошла в юридический?

— Ну да, чтобы стать опером с Петровки! Очень романтично! — смеялась в ответ Вика.

— Да с тобой ни один детектив смотреть невозможно, ты уже вначале знаешь, кто злодей и в чем интрига!

— Нет, спасибо, я вполне хорошо чувствую себя бухгалтером! Кстати, в бухгалтерии логики требуется больше, чем в любом детективе, — пока сведешь все цифры, помня про каждую запятую, каждую бумажку и копейку, таким следователем станешь!

Понять, что ее тревожит в откровенно странном поведении медперсонала, Вика не успела. Через час в кабинет стремительно влетел невысокий, пухленький мужчина лет тридцати.

— Ну, где у нас тут мальчик? — жизнерадостно спросил он.

— Мальчик это я! — ответил Степан.

— Прекрасно, прекрасно! — чему-то радовался доктор.

Он сел на стул и притянул к себе за руку Степана.

— Что болит? — спросил он.

— Ничего! — бодро, в тон доктору, ответил мальчик.

— Вот и хорошо!

Он погладил Степку по голове и посмотрел на Вику:

— Для трех лет ваш сын очень крупный мальчик.

— Через неделю ему будет четыре, — ответила Вика.

— Ну, что ж, идемте! Машина ждет, — хлопнув себя ладонями по пухлым ляжкам, воскликнул врач.

Вика не спорила.

Ей казалось, что какой-то неведомый режиссер закручивает и закручивает вокруг них непонятный сюжет, и она, находясь внутри фильма, даже не подозревает, по каким правилам развивается сценарий.

Все происходило очень быстро. Степана положили в отдельную палату, а Вику привели в ординаторскую, и Вениамин Андреевич задавал ей массу вопросов, озадачивших ее еще больше все той же нелогичностью.

Почему-то он спрашивал: кем и где она работает, кто ее родители, есть ли наследственные болезни, какие наследственные болезни были у Степкиного отца и так далее. Нет, он, конечно, объяснял, почему спрашивает, мол, необходимо выяснить, не наследственное ли это. Ну, ладно, это понятно, но какое отношение к Степкиной болезни имеют места работы ее и ее родителей и замужем ли она? Выйдя из ординаторской, Вика так и не смогла отделаться от устойчивого чувства тревоги.

Она укладывала Степку спать, когда в палату зашла санитарка, пожилая, обрюзгшая женщина, на лице которой отпечаталась бесконечная усталость.

— Ты в палате сама убирай, у меня на вас всех сил нету! — воинственно, хронически раздраженным тоном заявила она.

— Конечно, уберу, вы только скажите, где взять инвентарь, — согласилась Вика.

— В туалете, в последней кабинке кладовка, там унитаз не работает. Когда приберешься, все на место вернешь и на замок закроешь!

— А ключ? — спросила Вика.

— Да какой ключ! — махнула возмущенно рукой санитарка. — Его отродясь не было! Открывается чем ни попадя, хоть чайной ложкой!

Степка дремал, и Вика, взяв под локоток воинственную даму, аккуратно, стараясь придать жесту уважение, вывела ее в коридор.

— Вы не беспокойтесь, пока мы здесь, я буду сама убирать.

— Хорошо! — ослабив напор, успокоилась женщина. — Я в нескольких отделениях работаю, санитарок в больнице почти нет, копейки платят, медсестрички, а то и сами врачи подрабатывают за санитарок! А куда деваться! Ладно, не забудь каморку запереть!

Пришла мама, принесла их со Степкой вещи, сложенные в Викин стильный кожаный рюкзак-

чок. Вдвоем они все вымыли и навели в палате порядок.

«Любопытно, — думала Вика, возвращая на место орудия санитарного производства, — унитазы крайних кабинок в общественных туалетах так специально делали, чтобы они обязательно ломались и эти кабинки превращались в кладовки для швабр и ведер?»

В туалетной комнате было два окна: одно в этой самой кладовке, второе возле умывальника, оба унылые, с покрашенными облупленной, тоскливо-серой краской. Вика попробовала открыть створку окна в кладовке, это получилось на удивление легко. Взору предстала ржавая решетка и печальный ноябрьский пейзаж за окном. Молодая женщина достала пачку сигарет и закрыла замок на двери, невесело усмехнувшись про себя.

Мамин будущий муж и ее, соответственно, отчим, Олег Николаевич, говорил:

— Наша российская действительность определяется не бытием, а лениво-изобретательным сознанием, свойственным только нам. Ведь даже воруют изобретательно и от лени. Вот я сейчас Салтыкова-Щедрина перечитываю — двести лет почти прошло, а ничего не изменилось: все те же дураки, дороги, вороватые начальники и чиновники и те же проблемы!

Да уж, понять, зачем нужен замок, который можно открыть даже ногтем, ключ от которого

потерян при царе Горохе, и что вообще охраняет этот замок, может только человек, родившийся и выросший в данном бытии.

Следующие два дня стали для Вики каким-то липким, затягивающим кошмаром. В голове крутились вопросы, на которые она не находила ответов, Вика опасалась самого худшего, думая об операции сына, и бесконечно, изматываяще обвиняла себя. Как она могла проглядеть болезнь, ну как?!

Степке было скучно. Он не понимал, почему должен лежать в кровати, когда ему хочется играть, прыгать, бегать, гулять, да просто бесконечно двигаться. Вика, стараясь его развлечь и занять чем-то, читала ему книжки, складывала вместе с ним на прикроватной тумбочке небольшой пазл, рассказывала сказки, но он маялся и все спрашивал:

— Мам, разве я болею? — удивлялся мальчик.

— Врачи говорят, что болеешь, — пыталась объяснить сыну Вика то, что не понимала и боялась сама.

— А как я болею, если у меня ничего не болит? — допытывался Степка.

— Так бывает, болезнь спряталась, и ты ее не чувствуешь.

— Нет, мамочка, так не бывает, — серьезно возражал Степан.

Ему разрешили смотреть мультики. Отведя его в комнату, где стоял телевизор и играли другие дети под присмотром медсестры, Вика, накинув куртку, вышла в больничный сад.

«Ноябрь. Как я не люблю ноябрь!» — с тоской подумала молодая женщина.

Голые, мокрые ветки деревьев, непокрытая еще снегом темная земля, низкое серое небо, мерзнущие на ветру руки — все это, приправленное стойкими больничными запахами, не выветривающимися даже здесь, в саду, и бесконечными вопросами самой себе, вызывало в ней такую тоску, что впору было завывать.

«Как? Где я его упустила?! Когда просмотрела? Господи, господи! Как можно было не заметить болезнь? Что я за мать такая, если не увидела, что ребенок болен, да так болен, что надо срочно оперировать?»

Чувство безысходности, вины и непоправимости ситуации давило Вику, как бетонная плита, не давая дышать, думать.

Степка рос очень здоровым ребенком. Все врачи удивлялись: надо же, в наше время, при московской экологии, и такой здоровый малыш!

Он родился крупным — четыре двести, эдакий богатырь! Мальчик почти никогда не плакал, хныкал, конечно, когда колики были грудничковые или зубки резались, но чтобы так, как рассказывали другие мамы, орут их малыши, — нет, никог-